

PHILOLOGY

ПОНЯТИЕ «ОТСУТСТВИЕ» В ДОВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Радчук О.В.

Кандидат филологических наук, доцент

*Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды
г. Харьков*

THE NOTION OF 'ABSENCE' IN VERBAL AND NON-VERBAL COMMUNICATION

Radchuk O.

Candidate of Science (Philology), Assistant Professor

*H.S. Skovoroda. Kharkiv National Pedagogical University
Kharkiv*

Аннотация

В статье рассмотрены паравербальные репрезентации понятия «отсутствие». Автором были выявлены когнитивные и лингвокультурные особенности жестов, которые передают понятие «отсутствие» в русском языке. В работе показана роль жестов в становлении человеческого сознания и звуковой речи, представлено описание жестов, сделан вывод о том, что язык жестов передает в концентрированном виде национально-культурные элементы реалий конкретного этноса.

Abstract

The article considers paralinguistic representations of the notion of 'absence'. Some cognitive and linguocultural specific features of gestures representing the notion of 'absence' in Russian are revealed. The role of gestures in developing human cognition and sound speech is presented, existing classifications of gestures are described. It is concluded that the language of gestures supplies some condensed presentation of national and cultural elements of a certain ethnos realia.

Ключевые слова: коммуникация, понятие «отсутствие», жесты, этнолингвистика, когнитивная лингвистика.

Keywords: communication, the notion of 'absence', gestures, ethnolinguistics, cognitive linguistics.

Коммуникативная потребность человека в определенной ситуации способствует соединению вербальных и невербальных знаков в одной речевой ситуации. Такие коммуникативные акты всегда спонтанны и экспрессивны. Человек использует жесты, которые ему известны и понятны собеседнику, их воспроизведение всегда осуществляется механически, человек не придумывает жесты в каждой отдельной речевой ситуации. Как указывает А. Ченки, «категория эмблем, впервые описанная в работе Эфрона [Efron 1941], состоит из жестов, имеющих стандартные формы и стандартные значения, например: показать большой палец вверх, чтобы выразить, что все в порядке. Статус таких жестов как коммуникативных символов установлен в культурной традиции. К тому же мы используем такие жесты сознательно. Согласно теории когнитивной грамматики, эмблемы можно считать символами в том смысле, что у них есть стабильное отношение между структурой выражения (жест-эмблема) и его семантической структурой (его значение)» [10, с. 568]. Это достаточно общее определение, на наш взгляд, четко описывает языковую реальность, поскольку за каждым жестом закрепляется определенная семантика, даже если с помощью жестов передается абстрактное понятие.

Цель статьи состоит в рассмотрении и описании жестов, с помощью которых люди передают одно из базовых абстрактных понятий – «отсутствие».

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена недостаточной изученностью жестовой референции абстрактных понятий, в частности понятия «отсутствие», которое играет важную роль в коммуникации. Невербальная репрезентация понятия «отсутствие» является неотъемлемой частью существования человека в социуме, в котором ему необходим язык как средство общения и познания.

Концептуальное представление понятия «отсутствие» сформировалось задолго до появления словесного языка, что подтверждают современные исследования не только лингвистов, но и антропологов, этнографов и ученых других отраслей знаний. Жестовый язык, который и сегодня активно используется в коммуникации был первым этапом в развитии и передаче понятия «отсутствие».

Начало изучения и описания невербальной коммуникации как языкового феномена было положено в XX веке как зарубежными, так и украинскими исследователями. Среди ученых особое место занимают австралийский психолог А. Пиз [6], российский филолог Г. Крейдлин [5] и отечественный языковед Л. Булаховский [2]. Нами также предпринималась попытка анализа жестового языка [7].

Жестикуляция играет различную роль у разных народов, что соответствует их особой ментальности, то есть психическому складу. Необходимо

уточнить, что на уровне невербальной коммуникации взаимовлияние языков проявляется не четко, и имеет место преимущественно внутрикультурный трансфер передачи концептуальной информации. Это связано и с территориальной локализацией этносов, и с сохранением традиций в использовании жестикуляции. Однако в современном мире в связи с глобализацией социальных процессов и распространением зрительных контактов, особенно среди молодежи, наблюдается заимствование жестов из англоязычной среды, которые запечатлеваются в памяти и затем свободно воспроизводятся.

Ментальное представление понятия «отсутствие» отражает видение и понимание объективного мира конкретным этносом, имеющим особенности в вербальной и невербальной репрезентации данного абстрактного понятия.

В то же время лингвисты, пытаясь объяснить архитектуру языка как в когнитивной перспективе, так и ретроспективе, прибегают к исследованиям биологов, физиологов и психологов, изучающих языковую коммуникацию. При этом используют методику наблюдения усвоения языковой системы детьми, начиная с самого рождения. Ученые пришли к выводу о том, что дети в коммуникации, как и первобытные люди или приматы, активно используют жестикуляцию для определения предметов, а затем и понятий: дети, еще не пользующиеся языком, указывают на отсутствующий референт.

М. Томаселло, анализируя поведение детей в процессе общения со взрослыми, отмечает то, что ребенок не только имеет какое-то представление об окружающем мире, но и осознанно воспринимает этот окружающий мир: «Когнитивный аспект этих контекстов совместного внимания охватывает именно те концептуальные представления, которые позднее будут структурировать сложные высказывания более старших детей» [9, с. 758]. Разработав узкую теорию усвоения языка, М. Томаселло констатирует тот факт, что «самые ранние случаи использования языка детьми часто сопровождаются указательными или другими жестами, и жесты разграничивают коммуникативные намерения таким образом, что это доказывает равенство жеста и языка с точки зрения общения» [9, с. 759].

Современные исследования моторных зон коры человеческого мозга с помощью медицинского оборудования (МРТ, МЭГ и других) подтверждают нейрокognитивное основание языка жестов. Например, при изучении процессов автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации было установлено, что «слова, отражающие действия различными частями тела (такие как 'пинать', 'хватать', 'жевать'), по-разному активизируют моторную зону коры головного мозга» [8, с. 428]. Медицинские обследования пациентов, на наш взгляд, расширяют познания и представления лингвистов о жестовой референции на вербальные стимулы: сформированное понятие на основе полученного опыта имеет конкретную невербальную реакцию.

Базовым психофизиологическим процессом для формирования понятия «отсутствие» изначально является восприятие. Выражение понятия «отсутствие» чаще всего сопровождается характерными жестами: разведением рук в стороны, при котором кисти рук находятся ладонями вверх или поворотом головы (туловища) вправо или влево с целью поиска чего-либо / кого-либо. Совершенно очевидно, что психофизиологической основой понятия «отсутствие» является эмоциональная сфера. Вербальная реакция на осознание человеком отсутствия у него чего-либо (исчезновения, потери, утраты) зачастую сопровождается и усиливается жестикуляцией, отражающей непроизвольное проявление эмоций. Невербальная рефлексия проявляется под влиянием апперцепции как вторичного восприятия: изначально что-то было (или кто-то был), потом чего-то (или кого-то) не стало.

В разных языковых культурах чаще наблюдается несовпадение в значении жестов: например, соединение указательного и большого пальцев в кольцо имеет несколько значений: в Европе и Америке – «О'кей», в Японии – «деньги», в Европе – «ноль», в Тунисе – «никчемность».

В настоящее время сохраняет свое значение и гипотеза Б. Уорфа, согласно которой человек в своем видении мира зависит от культурных кодов, управляющих общением [11, с. 474]. Поэтому жесты могут являться психологическим ключом для понимания в общении людей, изучения их этнокультурной специфики.

Наиболее общие для всех этносов жесты используются детьми в языковой коммуникации. Яркое проявление жестового языка можно наблюдать у детей раннего возраста, когда они еще плохо говорят или вообще произносят только отдельные звуки. Активный поиск отсутствующих предметов или близких людей очевиден для окружающих: ребенок разводит руки в стороны, вертит головой.

Язык жестов человека настолько богат, что достаточно трудно охватить и описать полностью спектр их реализации и применения. Для слов, обозначающих объекты окружающей действительности, у человека есть указательный жест, а если этих объектов нет в наличии, то есть противоположный жест. Для глаголов, для прилагательных, для служебных частей речи подобных жестовых обозначений гораздо меньше. Мы считаем, что именно объекты являются для нас самыми важными составляющими окружающей действительности. Соответственно, именно их имена и ощущаются как основная часть нашей коммуникативной системы.

В книге В.А. Дресвянникова «Жесты: попытка обобщения и классификации» [3] представлено наиболее полное описание жестов. Однако, несмотря на то, что жесты, выражающие понятие «отсутствие», активно используются человеком с раннего возраста, они не представлены в классификациях.

Невзирая на то, что паралингвистические средства характеризуются универсальностью, многие

из них отражают этнокультурные особенности носителей языка. Жесты, передающие абстрактное понятие «отсутствие», отличаются в разной языковой среде и культуре разных этносов. По замечанию Л. Бородинки, «... абстрактные репрезентации строятся посредством уподобления тем сферам нашего опыта, которые в большей степени опираются на реальное взаимодействие со средой (например, Clark 1973; Lakoff, Johnson 1980)». Иными словами, чтобы построить ментальную репрезентацию чего-то абстрактного и неосязаемого, мы используем репрезентации, выстроенные нами для более осязаемых и конкретных сфер действительности» [1, с. 200]. Осязание относится к тактильным чувствам, которые воспринимаются и передаются с помощью ощущений, прикосновений. Такой способностью наделены пальцы рук человека, в которых сосредоточены нервные окончания. Можем предположить, что именно пальцы рук играют первостепенную роль в невербальном общении.

В русской культуре общения уместно использовать жест репрезентации понятия «отсутствие» соединением указательного и большого пальцев руки, что у русскоязычного человека ассоциируется с нулем и может выражать нулевое проявление признака. В англоязычной среде, как уже указывалось выше, напротив, этот жест обозначает «отлично» – наивысшую степень проявления чего-либо. В невербальном общении любой жест имеет значение не только для того, кто его показывает, но и для его собеседника. В связи с этим особый интерес сегодня вызывает не только исследование языка жестов глухонемых, театральная жестикуляция, но и жесты политиков и других публичных людей, речь которых всегда подкрепляется продуманной жестикуляцией. В повседневной же жизни люди применяют жесты автоматически, даже не задумываясь над тем, что они репрезентируют то или иное понятие.

Невербальные средства, включенные в процесс речи влияют на ее результат, поскольку словесная и несловесная речь чаще всего взаимно усиливают друг друга в коммуникативной ситуации, различаясь лишь средствами.

Несловесная коммуникация является одним из способов проявления общей культуры человека. Важную роль в человеческом общении определяют такие свойства невербальных средств:

- люди воспринимают невербальные средства как знаки, имеющие какой-то определенный смысл;
- невербальные средства дают более объемную информацию, поскольку комплексно задействуют несколько каналов: визуальный, акустический и тактильный;
- паралингвистические средства в меньшей степени поддаются контролю, поэтому влияют на истинность и правдивость передаваемой информации;
- несловесное общение при контактной коммуникации непрерывно, так как сохраняется и тогда, когда участники коммуникативного акта молчат;
- невербальные средства точнее и разнообразнее выражают эмоции, отношения и оценки.

В устном общении вербальная и невербальная речь сочетается друг с другом, чаще несловесные знаки являются дополнительными к вербальным.

Синтез вербальной и невербальной речи предполагает, что невербальная речь по отношению к вербальной выполняет три основные функции: во-первых, вносит в нее дополнительную информацию; во-вторых, комбинируется с вербальными средствами, передавая тот же смысл (например, интонация); в-третьих, помогает сохранять контакт между партнерами и регулировать поток речи.

Активность привлечения жестикуляции отражает психический тип личности человека, умение владеть своими эмоциями и общую культуру человека. Это также связано с экономией языковых средств, поскольку иногда жест может заменить длинную фразу и более эмоционально выразить абстрактное понятие, например – «отсутствие».

Проследим использование жестов для выражения понятия «отсутствие» в современной коммуникации, поскольку истоки понятия «отсутствие» в когнитивном и лингвокультурном аспектах, как нам представляется, заложены именно такими невербальными средствами, как жесты.

Проведенный анализ научной литературы по изучению невербальных средств общения, а также анкетирование студенческой аудитории и собственные наблюдения позволили выделить 11 жестов, которые, на наш взгляд, являются репрезентантами понятия «отсутствие» в русской языковой среде. Это такие жесты, как жест разведения рук в стороны, при котором кисти рук находятся ладонями вверх (№1); жест поворота головы или туловища вправо или влево с целью поиска чего-либо / кого-либо (№2); жест, когда ребенок закрывает лицо руками и тем самым показывает взрослым, что его нет (№3); жест, когда ребенок держит руки над головой, показывая домик (№4); жест соединения рук крест-накрест в запястьях с раскрытыми ладонями (№5); жест, когда человек крутит пальцем у виска (№6); жест, когда человек показывает кукиш (№7); жест демонстративного выворачивания пустых карманов (№8); жест постукивания кулаком по лбу или голове (№9); жест отстраненного движения рукой (чаще правой) с открытой ладонью, когда кисть практически перпендикулярна предплечью (№10); жест прикладывания указательного пальца перпендикулярно губам, как просьба не шуметь, соблюдать тишину (№11).

Выделенные жесты являются наиболее употребляемыми в русскоязычной коммуникативной среде. Одни из них репрезентируют семантику «отсутствие» в обобщенном виде, то есть нет чего угодно вообще, другие, напротив, реализуют значение «отсутствие» чего-то конкретного (постукивание по голове – «нет ума», кукиш – «ничего не дам», вывернутые карманы – «ничего не украл»). Среди описанных жестов дети практически не используют жесты, указанные под №5 и №10, а взрослые – №3 и №4. Все остальные жесты применяет в процессе общения как первая, так и вторая группы носителей языка, не зависимо от возраста. Чаще всего эти жесты коррелируют с предикатом *нет*: *меня нет*, (*y*) *кого-то нет*, (*y*) *чего-то нет*. Некоторые жесты (№

6, №7, №8 и №9) не всегда уместны и свидетельствуют о недостаточно высокой общей культуре личности.

Ценным материалом для исследования, на наш взгляд, являются дискурсивные контексты, в которых описаны жесты с целью усиления зрительного восприятия персонажа. В этом плане примеры из классических художественных произведений, в которых мастерство писателя не вызывает сомнений, являются хорошими иллюстративными фактами. Например, Н.В. Гоголь, создавая художественные образы, сумел гармонично соединить богатство национального языка с его разговорной стихией, поэтому достаточно часто в портретных описательных контекстах встречается объединение невербальных знаков с вербальной характеристикой героев произведений.

Приведем несколько наиболее ярких примеров. Н.В. Гоголь со свойственным для него мастерством и легкостью подвергает трансформации половицу о невежестве: *Смотрит в книгу – видит фигу*. Включенные автором уточнения, что является характерным для стиля писателя, расширяет значение жеста: *И был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в тоже время видит и фигу, подставленную ему товарищем* [4, с. 280]. В портретных описаниях поэмы «Мертвые души» не типичным оказывается описанный выше жест поворачивание головы или туловища из стороны в сторону, он заменяется писателем на описание других движений (*оглянувшись вокруг себя, беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверх голов*). Деталь в портрете прокурора, которой отводится особая роль в характеристике персонажа, оказывается необходимой при описании жеста со значением «отсутствие»: *... бедный прокурор поворачивал на все стороны свои густые брови ...* [4, с. 191]. Художественное изображение жеста в некоторых контекстах являются средством создания комического: *Чичиков вынул из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгой. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать* [4, с. 164]. Введение Н.В. Гоголем в портретные контексты описания жестов способствует реалистическому изображению персонажей и в то же время создают комизм описываемых ситуаций в поэме «Мертвые души». Моделирование невербального поведения человека всегда связано с вербальной коммуникацией, только в одних случаях актуализируется слово, а в других – жест.

Хотелось бы отметить, что понятие «отсутствие» принадлежит к тем понятиям, без которых невозможна коммуникация и познание окружающего мира человеком. Но для каждого индивидуума есть нечто важное, что должно быть в его сознании и соответственно в реальном мире. Понимание того, что этого существующего для человека нет, всегда влечет проявление эмоции, которая выражается вербально или невербально, то есть с помощью жеста, передающего понятие «отсутствие».

В каждой языковой среде это будет особый набор жестов, воплощающих данное понятие.

Поскольку в лингвистической плоскости коммуникации наблюдается соединение невербальной и вербальной репрезентации понятия «отсутствие», сопровождение звуковой речи жестикой, на наш взгляд, усиливает понятие «отсутствие» эмоционально и придает ему особую экспрессию, а также выявляет национальные специфические черты.

Список литературы

1. Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 199-213.
2. Булаховский Л.А. Вопросы о хронологическом отношении языка жестов и словесного // Избр. труды: в 5-ти томах. Т. I.: Общее языкознание. К.: Наук. думка, 1975. 496 с.
3. Дресвянников В.А. Жесты: попытка обобщения и классификации. 2008. URL: http://www.elitarium.ru/2008/08/06/zhesty_klassifikacija.html
4. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1959. Полн. Собр. Соч. в 6 т. Т. 5. 575 с.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.
6. Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений. М.: ЭКСМО. 2016. 496 с.
7. Радчук О.В. Паралингвистические способы репрезентации понятия *отсутствие* // Наукове видання «Мовні і концептуальні картини світу», випуск 50 частина 2: ВПЦ «Київський університет». Київ, 2014. С. 276-283.
8. Строгонова Т.А., Буторина А.В. Николаева А.Ю., Ю.Ю. Штыров. Процессы автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 426-448.
9. Томаселло М. Узуальная теория усвоения языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 755-785.
10. Ченки А. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 560-574.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.